

130.2

Д. Д. Овсяникова

(аспирант)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail – darevos@list.ru**КУЛЬТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ:
КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ**

***Аннотация.** Статья посвящена осмыслению проблемы установления границ и определения сфер применения понятий исторической и культурной памяти.*

***Ключевые слова:** культурная память, историческая память, общество как органическая система.*

В современном научном дискурсе проблема памяти в её общественно-культурном измерении выступает областью соприкосновения исследовательских интересов различных социально-гуманитарных дисциплин, в рамках которых происходит формирование концептуальных понятий, претендующих на выражение механизмов, обеспечивающих сохранение и передачу ценного социального опыта: наиболее востребованными из них становятся понятия культурной и исторической памяти.

Однако в концепциях авторов, разрабатывающих проблему памяти как социального феномена, содержание и сферы применения понятий культурной и исторической памяти получают различную интерпретацию, что в отдельных случаях приводит к неупорядоченному использованию данных терминов, затрудняющему дальнейшее изучение процессов фиксации и актуализации информации в памяти коллектива – в особенности в контексте междисциплинарных исследований. Обозначенная терминологическая путаница и проблема неустановленных границ понятий обуславливают актуальность проведения сравнительно-исторического анализа представлений о культурной и исторической памяти с целью разграничения сфер их реализации.

Термин «культурная память» обнаруживается уже в культурно-исторических теориях памяти, осмысливающих в рамках психологических исследований социальную природу памяти индивида.

Однако введением данного термина в научный оборот в качестве философского понятия исследовательская мысль обязана Юрию Лотману – основоположнику структурно-семиотического подхода в изучении культуры.

В своих работах Ю. М. Лотман, понимая культуру в качестве знаковой системы, определяет её как «совокупность всей ненаследственной информации, способов её организации и хранения»: социально значимый опыт подлежит кодированию и переходит на хранение с тем, чтобы при определённых условиях быть вновь актуализированным [1, с. 395]. Так, культура как память реализует себя в качестве «текста» – сохраняемого и передаваемого закодированного сообщения, выраженного в некотором памятнике культуры – письменном источнике, обряде, ритуале и т. д. Помимо этого, подчеркивая надындивидуальный характер культуры, автор представляет её системой коммуникации, что также в обязательном порядке предполагает наличие общей памяти, поскольку без общей памяти невозможно существование общего языка [1, с. 616].

Дальнейшее развитие представлений о культурной памяти связано с выходом в свет монографии Яна Ассмана: «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [2]. Согласно Я. Ассману, культурная память, обращаясь к фиксированным моментам в прошлом, сохраняет их, сворачивая в «символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание», формируя тем самым специфику культурного пространства определённой цивилизации [2, с. 54].

В своей работе автор не предлагает определённой дефиниции понятия «культурная память», но фокусирует своё внимание на изображении конкретных механизмов практической реализации процесса трансляции культурных смыслов, рассматривая обряд и канон как формы существования культурной памяти на примере древних цивилизаций Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока.

Таким образом, Ю. М. Лотман и Я. Ассман, разрабатывавшие понятие культурной памяти, сосредоточивались в своих изысканиях на отдельных аспектах данного феномена: Ю. М. Лотман рассматривал культурную память в рамках знаково-символической плоскости бытия культуры, Я. Ассман осмысливал её отдельные эмпирически существующие формы. Однако в работах данных авторов прослеживается нацеленность на исследование культурной

памяти в качестве одного из основополагающих принципов, обусловливающих осуществление общественной жизнедеятельности – в свете чего культурная память разрабатывается именно как фундаментальное философское понятие. Наиболее полно данная идея раскрывается в исследовании Т. Э. Рагозиной, которая с позиций марксистской методологии рассматривает культурную память в качестве атрибутивного свойства общества, понимаемого как «органическая система», «воспроизводящая ... себя как некую самоидентифицируемую целостность на всех этапах своего существования» [3, с. 14]. Согласно взглядам автора, теоретической предпосылкой возникновения понятия культурной памяти выступает сформулированная в философии Маркса принципиально новая модель исторического развития общества – модель системного прогресса. При том, что культурная память является «„объективной мыслительной формой“, выработанной для обозначения объективно существующего механизма сохранения прошлого в настоящем», её теоретическое оформление стало возможным только в свете развития марксистского способа осмысления «общества как органической системы», что и объясняет столь позднее оформление данного философского понятия [3, с. 19].

Тем не менее, в современном научном дискурсе не существует общепринятой концепции культурной памяти. В настоящее время мемориальная проблематика актуализируется в различных терминах, однако, установленного способа разграничения понятий и категорий, взаимосвязанных или примыкающих к понятию «культурная память», выработано не было: так, помимо «культурной памяти» исследователи разрабатывают концепт «исторической памяти», содержание и границы которого также в работах разных авторов несходны.

Возникновение представлений об исторической памяти обусловливается рядом интеллектуальных предпосылок, наиболее значимыми из которых становятся исследования М. Хальбвакса, актуализировавшего в начале XX века проблему социальной обусловленности памяти, а также переосмысление его работ в контексте влияния постмодернистской парадигмы на историческую науку.

Французский социолог Морис Хальбвакс выделяет индивидуальную (внутреннюю) память, содержащую воспоминания о личной жизни отдельно взятого человека, и коллективную (внеш-

ною), сохраняющую воспоминания социальной группы, в которую данный человек включён. Коллективная память, сохраняя информацию об исторических фактах, создает внешние социальные рамки, в которые и включается личностная память индивида [4].

Теория М. Хальбвакса была сформирована еще в первой половине XX века, однако длительное время оставалась практически невостребованной, – вплоть до 1980-х годов, когда под влиянием постмодернистской программы произошло переосмысление методологических основ исторической науки. Так, М. Фуко, представления которого повлияли на становление постмодернистского подхода, применил понятие «контрпамять», подразумевая под ним альтернативную память, противопоставленную «сконструированным» историками в рамках современного им дискурса общепринятым представлениям о прошлом [5]. П. Хаттон так описывает его взгляды: «По мнению Фуко, прошлое постоянно меняет свою форму в дискурсе настоящего. То, что помнят о прошлом, зависит от способа его репрезентации, который, в свою очередь, должен соответствовать скорее сегодняшней способности социальных групп сформировать образ прошлого, чем возможности историков пробудить о нём воспоминания» [6, с. 42]. Таким образом, постмодернистская программа отрицает существование реальной истории, поскольку, во-первых, представления о прошлом подвержены изменениям под влиянием запросов настоящего и преобразуются в зависимости от способа их воспроизведения, и во-вторых, различные коллективы и социальные группы сохраняют собственную интерпретацию исторических событий – собственную «историческую память». С точки зрения историков-постмодернистов, «официальные воспоминания», зафиксированные в рамках существовавшей традиции историографии, формировались с целью поддержания политических идеалов власти в контексте дискурса, актуального на момент их сохранения. Восстановить «источники изменчивых образов памяти» невозможно, но мемориальные формы, в которых сохраняется и воспроизводится прошлое, могут быть описаны и исследованы: «в конце концов, проблема истории оказывается проблемой политики коммеморации, то есть, проблемой идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [6, с. 30].

Постмодернистская парадигма в историографии достигает своей крайней точки в концепциях, названных Л. П. Репиной «эго-историей», «доведённой до абсолюта историей снизу» – подобных подходу американской исследовательницы Сьюзен Крейн, согласно взглядам которой, официальная история, созданная историками, якобы лишает индивида возможности участвовать в производстве исторического знания. Однако каждый индивид, наделённый историческим сознанием, является, согласно С. Крейн, носителем и выразителем персонального живого опыта, который также имеет историческое значение, поэтому человек, задумывающийся над историей или выражающий свой персональный опыт, участвует в передаче исторической памяти [цит. по ст. 7, с. 153].

Ряд зарубежных и российских авторов рассматривают историческую память в контексте проблемы сохранения традиции через коммеморативную практику, понимая её как сохранение и передачу опыта на уровне индивидуального сознания или же как групповую память о прошлом, якобы лишённую элементов идеологии, в противовес идеологизированной памяти государств-наций. Помимо рассмотренных подходов, существует множество концепций, авторы которых дают различную интерпретацию понятия «историческая память», выделяя те или иные аспекты и функции феномена.

Высокую востребованность понятия «историческая память» Л. П. Репина объясняет «его собственной „нестрогостью“ и наличием множества дефиниций» с одной стороны и «текучестью явления, концептуализированного в исходном понятии „память“» – с другой [7, с. 133].

Возникновение множества теорий и некоторая «размытость» содержания понятия в период его формирования – естественный процесс, особенно для гуманитарной области знания. Однако неопределённость – «нестрогость» – содержания не должна выступать в качестве принципиальной характеристики научного понятия, обуславливающей его введение в научный дискурс.

Проблема неустановленных границ понятия осложняется тем, что если некоторые авторы, опираясь на различные критерии и факторы, проводят линию разграничения между исторической и культурной памятью, то другие используют данные термины в качестве синонимов.

Исследованию проблемы определения онтологического статуса и концептуальных границ понятий исторической и культурной памяти посвящена статья Т. Э. Рагозиной «Культурная память versus историческая память», в которой автор проводит сравнительный анализ понятий, обращаясь к причинам и теоретическим предпосылкам их возникновения.

Критерием, послужившим фундаментальным основанием для разграничения приведенных концептов, в исследовании Т. Э. Рагозиной выступила способность понятия «культурной памяти» выразить и зафиксировать объективные механизмы социально-исторической преемственности: культурная память рассматривается автором как философское понятие, фиксирующее «имманентное свойство социокультурного организма (общества), состоящее в его способности сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего собственного существования на всех этапах развития» [3, с. 14].

В противовес объективным причинам, вызвавшим к жизни представление о культурной памяти, автор, исследуя условия возникновения концепта исторической памяти, подчёркивает влияние интересов идеологического порядка на его формирование: «политика памяти и соответствующая ей практика на рубеже столетий становятся фактором, инспирирующим появление концепта „историческая память“, главное предназначение которого как раз и состоит в том, чтобы быть эффективным средством переформатирования исторического прошлого с целью придания нужного вектора развития настоящему» [3, с. 18].

И. М. Савельева и А. В. Полетаев в статье «„Историческая память“: к вопросу о границах понятия» также подчеркивают проблему идеологической наполненности содержания понятия «историческая память» — указывая на существование «весомого пласта аналитических и даже непосредственно теоретических подходов» в изучении исторической памяти, авторы, тем не менее, сужают области реализации данного понятия и рассматривают особенности его применения в сфере исследования политики памяти: «прагматическая составляющая этого направления настолько весома и многозначна, что мы считаем правильным отнести его к разряду идеологизированной истории» [8, с. 171].

Концепт «исторической памяти», зародившийся в рамках историографии, изначально фокусируется на внутридисциплинарном

переосмыслении методологической проблематики и останавливается на фиксации эмпирических фактов, не ставя перед собой задач – в отличие от понятия культурной памяти – обнаружения существенных характеристик общественного целого. Несмотря на неспособность выражения механизмов воспроизводства человеческого общества понятием исторической памяти, оно, тем не менее, фиксирует процессы борьбы за власть различных социальных групп и их идеологических представлений, подпитываемых воспоминаниями, сохранёнными в рамках памяти локального коллектива. Поэтому, в конечном итоге, идеологическая окрашенность содержания понятия «историческая память» не мешает тому обстоятельству, что оно само и обозначаемый им феномен коллективной памяти могут выступать объектом научного анализа.

Таким образом, в свете проведённого анализа причин и условий формирования понятий культурной и исторической памяти можно сделать вывод, что способность к фиксации и выражению фундаментальных закономерностей развития, лежащих в основе существования общества, представляет собой объективный критерий, разграничивающий исследуемые понятия и сферы их актуализации: если возникновение понятия культурной памяти связано с осмыслением механизмов, обеспечивающих сохранение целостности общества, то формирование концепта исторической памяти обусловлено в первую очередь проблемами идеологического порядка.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : «Искусство – СПб», 2010. 704 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура, 2017. №3 (15). С. 12-21
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас, 2005. №2-3. URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 17.02.2019)
5. Соколова М. В. Что такое историческая память? [Электронный ресурс] // Преподавание истории в школе, 2008. № 7. URL : <http://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 21.02.2019)
6. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : «Владимир Даль», 2004. 423 с.

7. Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М. : Из-дат. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М. : Из-дат. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170-220.

D. D. Ovsianikova

(graduate student)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: dareyos@list.ru

CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY: COMPARATIVE ANALYSIS

***Annotation.** The article is devoted to comprehending the problems of distinguishing the concepts of historical and cultural memory and determining the scope of their application.*

***Key words:** cultural memory, historical memory, society as an organic system.*